

Зрачки Сюй Сяочжэня сузились. Дрожащей рукой он коснулся жидкости — кровь.

Он уже однажды видел, как Гу Янь умирал у него на глазах. И теперь боялся этой крови — но ещё больше боялся, что всё повторяется. Что и на этот раз — из-за него.

— Чжоу Янь! Ты как?!

— Врача! Сюда, быстро!

Он закричал — голос сорвался, взвился к окнам медкорпуса.

Правое запястье Гу Яня рассекло осколками вазы. Из глубокой, рваной раны хлестала кровь. В воздухе повис густой, терпкий запах — альфа-феромон, настолько резкий, что даже Сюй Сяочжэнь, бета, ощутил его.

Гу Янь поднял голову. Взгляд — острый, тяжёлый — метнулся вверх, на верхние этажи, где секунду назад промелькнула тень.

Из медпункта выбежали врачи, кто-то уже на ходу открывал аптечку. Сразу начали перевязывать руку, прижимать артерию.

Порез оказался опасным: запястье почти перерезано. Восстановится ли — никто не знал. Если нет, он не сможет больше держать оружие. И тогда — скандал имперского масштаба.

Здание мгновенно оцепила его личная охрана. Ни шагу внутрь, ни вдоха наружу.

Прошло всего несколько минут — и небо прорезал тяжёлый гул. Приземлился вертолёт. Из него быстро сошли медики — отборная команда, с оборудованием, в строгой связке.

Они молча осмотрели рану и без промедления начали работать. Вокруг сновали медсёстры, ассистенты, лица у всех — сосредоточенные, тревожные.

Охрана — хоть и в гражданском — держалась напряжённо. На поясах у всех оружие.

Даже директор школы — редко появляющийся, обычно уравновешенный — сейчас беспокойно вышагивал у двери.

Для Сюй Сяочжэня это было впервые. Такой масштаб. Такая атмосфера. Такие взгляды.

Они смотрели на него с холодом. Без Гу Яня рядом — они бы не стали церемониться. Он — виновник. Он — причина крови.

Потому что Гу Янь пострадал ради него.

Парня, сбросившего вазу, вскоре притащили. Сюй Сяочжэнь узнал его сразу — один из фанатов Шэнь Ле, один из тех, кто смотрел на всех свысока. Тот трясся, сбился в комок, и сразу начал сдаваться.

Он ненавидел таких, как Сюй — из низов, «грязных», недостойных. Ненавидел то, насколько близки они были с Шэнь Ле. Когда Сюй вернулся в кампус, он решил, что тот остался без защиты. Гу Янь ушёл — значит, теперь можно. Бросил горшок с окна. Якобы случайно. Только вот не заметил, кто в этот момент стоял рядом — сам генерал Гу.

Мотив был очевиден, камеры всё зафиксировали. Последовательность событий — безупречна.

Командир охраны выхватил пистолет и без колебаний застрелил виновника. Жестом велел унести тело.

Быстро. Холодно. Без лишних слов. В духе Гу Яня.

Сюй Сяочжэнь смотрел на это так, будто вдруг оказался в чужом мире. Мире, где Гу Янь — не просто Чжоу Янь, его парень. Где он — генерал. Где нет места слабости. Где власть — не абстракция, а выстрел в упор.

До сих пор всё казалось проще. Их разделяли деньги, происхождение — не больше, чем в 18-м секторе. Но теперь он видел больше. Настоящее.

Власть. Кровь. Империя. Ответственность, которую несёт только один.

Он с трудом перевёл дыхание. И только одна мысль не отпускала:

А если запястье не срastётся?

Если он больше не сможет держать оружие?

Что тогда? Что будет с ним? Что будет с ними?

Гу Янь отказался от анестезии — чтобы ничего не всплыло при предстоящем медосмотре перед манёврами. Врачи смогли только осторожно вправить и зафиксировать кости.

Когда снаружи раздался выстрел, он нахмурился, оттолкнул руки медиков и встал. Вышел в коридор.

На полу — следы крови. Сюй Сяочжэнь стоял рядом: бледный, с каплями на лице.

Гу Янь метнул ледяной взгляд на командира охраны, выхватил пистолет с пояса и с яростью ударил того по голове.

— Идиот! Кто разрешил тебе стрелять при нём?! Вон отсюда!

Командир, хромая, с рассечённым виском, молча поклонился и удалился.

Сюй Сяочжэнь бросился вперёд, схватил его за левый рукав:

— Что врач сказал? Ты поправишься?

В глазах у него — дрожащая, полная слёз вода. Гу Янь подумал, что тот просто перепугался, и увёл его обратно внутрь. Он понимал: снаружи Сюя ждёт только враждебность.

Врач же с недоумением покосился на них — мол, с чего это его хрупкий любовник пришёл сюда, в процедурную, а не остался ждать снаружи.

Он не осмеливался заговорить. Молча взял у медсестры иглу с ниткой и начал дезинфицировать рану и зашивать её сам.

Зрелище было тяжёлым. Пока фиксировали кость, кожу приходилось снова раздвигать — обнажалась бледная, почти светящаяся кость. Сюй Сяочжэнь не отвёл взгляда, стоял, будто прирос, не проронил ни слова, боялся хоть чем-то помешать врачам.

Для солдата потерять возможность держать оружие — всё равно что умереть. Это конец.

Чжоу Цзиншуо как-то сказал: на всех академических проверках Гу Янь неизменно был первым. Гений столетия.

Сюй Сяочжэнь предпочёл бы, чтобы тот горшок врезался в него самого. Он бы справился. Выжил — как всегда. А вот Гу Янь не должен был терять то, что делает его собой.

Он не хотел, чтобы у такого блестящего, дерзкого человека угас свет. Ему всё ещё помнился восемнадцатилетний Гу Янь, с горящими глазами рассказывающий о любимом оружии — точно ребёнок, которому впервые доверили настоящее. Целая жизнь, наполненная смыслом, могла оборваться в одно мгновение.

Он почувствовал, как пальцы непроизвольно сжимаются. Он не просто виноват — он как будто сам по себе несёт разрушение. Все, кто рядом с ним, страдают.

Он в долгу перед Шэнь Ле. В долгу перед Гу Янем. Если бы не он, у Шэня, возможно, остались бы родители. Если бы не он — рука Гу Яня не пострадала бы.

Начался шов. Всё было видно: кожа, разошедшаяся ткань, алые нити, рваные края. Гу Янь притянул его ближе, прижал к себе, закрыл рукой глаза, не позволяя смотреть. Сяочжэнь попытался отстраниться, повернуться, но тот лишь удержал, спокойно и без слов, усадив к себе на колени.

Сам же не отводил взгляда от собственной изуродованной руки. Лицо оставалось неподвижным, сдержанным, словно рана принадлежала кому-то другому.

И в этот момент Сюй Сяочжэнь подумал: если говорить честно, его собственная жизнь вряд ли весит столько же, сколько эта рука.

Он — бета из низов. Если с ним что-то случится, его похоронят формально, почти безымянно, и через год никто не вспомнит. Так было и раньше, в те пять лет, когда он просто исчез. И да, сейчас Гу Янь рядом, он волнуется, держит его, говорит о возвращении, но пройдёт немного времени — и всё вернётся на круги своя. Он забудет. Бросит. Как уже однажды.

У него есть всё — жених, карьера, друзья, личная гвардия, влияние, сотни дорог. А Сюй Сяочжэнь — всего лишь одна из них. Временная. Возможно, даже случайная.

Рука — совсем другое дело. Она не для утешений. Она для оружия. Для точной настройки, для перезарядки, для управления сложнейшими механизмами. Для Империи. Потеря такой руки — это не просто травма. Это конец всей линии будущего, к которой Гу Янь шёл годами.

С какой стороны ни посмотри — ради Сюя оно того не стоило.

В тот момент, когда горшок сорвался с высоты, он не успел подумать. Сработал инстинкт — заслонить собой.

Теперь, пока врачи фиксировали кость, он ясно представлял: не закрой он Сюя тогда — череп бы не выдержал. Всё вокруг было бы залито кровью. Он бы умер сразу.

Мысль об этом — холодная, до онемения. Весна за окном, но внутри будто что-то застыло.

Даже сейчас он прикрывал его глаза ладонью — чтобы не видел, чтобы не боялся.

Он и сам не знал, зачем это делает.

Это любовь? Он не был уверен.

Всё, что он знал о любви, заключалось в том, как любит Сюй Сяочжэнь. Если это и есть любовь — тогда он, скорее всего, не любит. Потому что он не такой. Не как Сюй.

Он пытался объяснить всё иначе — логикой. Сюй принадлежит ему. Его человек. И если он позволит, чтобы этого человека убили у него на глазах, — кем он тогда будет? Что он за командир, за альфа, за мужчину?

Шов был почти закончен. Врач ловко завязал узел, выдохнул:

— Повреждены связки и кость. Полгода без нагрузки. У альф заживление идёт лучше, но вероятность, что связки не срастутся, остаётся. В этом случае — пересадка.

Сюй Сяочжэнь резко поднял руку:

— Возьмите мою! Пожалуйста, мою берите!

Он весь был в крови, лицо покраснело — от слёз или от напряжения, не понять. Ресницы слиплись, губы потрескались, на нижней — следы от укусов. Волосы растрёпаны. Он говорил с такой прямоотой, почти детской искренностью, что выглядел не столько жалко, сколько... трогательно. Даже неловко.

Врач невольно усмехнулся, но тут же встретился взглядом с Гу Янем — ледяным, неподвижным — и посерьёзnel:

— Не нужно. Сейчас мы можем вырастить связку в лаборатории. Идентичную.

Он всё же с беспокойством посмотрел на руку:

— Но до учений остаётся мало времени...

Гу Янь аккуратно поставил Сюя на пол, коротко кивнул:

— Разберусь сам.

По тону было ясно: он пойдёт. Как бы ни было — он обязан быть там.

Эти учения имели для молодого генерала огромное значение. Впервые он должен был официально заявить о себе в Империи. Сотни глаз следили за ним — кто в ожидании триумфа, а кто в надежде на провал. Ждали, чтобы он оступился, упал с высоты, которую занял.

Гу Чуань всегда действовал дерзко, нажив себе немало врагов. А Гу Янь — слишком заметен, слишком яркий.

Если он не появится на манёврах, сплетен, обвинений и намёков не избежать. Он обязан быть там.

Врач ещё раз посмотрел на его любовника — красивый, умный, но с немного растерянным видом. Вряд ли чем-то особенным выделяющийся. И подумал: неужели генерал всерьёз считает, что оно того стоило?

— К ночи рана опухнет и будет болеть, — бросил он на прощание. — Можете приложить лёд, но ненадолго.

Собрав оборудование, врач ушёл.

После этого охрана ослабила блокаду: теперь под контролем был только этаж, где находился пациент.

Сюй Сяочжэнь отправил сообщение Шэню Ле и остался у кровати. Завернул лед в сухое полотенце, осторожно приложил к повреждённой руке:

— Болит?

Для Гу Яня такая мелочь была, что дождь на манёврах. Только место — неудачное, да и время не то.

— Чему в ней, болеть-то? — фыркнул он и пошевелил пальцами.

Сюй тут же всполошился, схватил за руку:

— Не шевели!

Он снова стал таким, каким был раньше — всем сердцем, всем существом — рядом. И это как-то легко успокоило Гу Яня. Он знал характер Сюя — теперь, когда его рука ранена, тот будет ещё заботливее, ещё послушнее. Всё вернулось на круги своя. Даже лучше.

Если бы он знал, что травма так подействует на Сюя, он бы, пожалуй, и раньше подстроил какую-нибудь «аварию».

Всё напряжение, раздражение последних дней будто выветрилось.

Но идея с пересадкой железы — никуда не исчезла.

— В таком состоянии... может, ты не поедёшь? — Сюй поднял на него влажные, полные тревоги глаза.

И тут же заметил, как уголок губ Гу Яня опустился. Он нахмурился, и стало ясно — Сюй что-то сказал не то.

— Надо ехать. Это честь и моя карьера, — отрезал Гу Янь. Объяснять долго, да и вряд ли Сюй Сяочжэнь поймёт.

Сюй больше не настаивал. Он знал характер Гу Яня — упрямый, жёсткий. Чем больше его уговариваешь, тем больше раздражаешь.

Эти учения важны для него. Но как он справится с раной? Что, если станет хуже? Сюй Сяочжэнь не знал, что делать, и просто держал его руку, шепча снова и снова:

— Прости... прости... прости...

Настроение падало всё ниже. Он думал — они с самого начала были несовместимы. Если бы он не оказался рядом, не цеплялся бы, ничего бы не случилось. И карьера Гу Яня осталась бы неприкосновенной.

После паузы Сюй вдруг спокойно произнёс:

— Чжоу Янь, знаешь, иногда мне кажется, я просто родился несчастьем. Умерли мои родители, потом отчим и мачеха. Шэнь Ле остался сиротой. Ты... пострадал из-за меня. Твоя карьера под угрозой. И...

Он запнулся. Хотел произнести: «Сюй Люй», но слова застряли. Слишком больно.

— Может, нам стоит... расстаться?

Гу Янь не чувствовал боли даже без наркоза так остро, как сейчас. Будто ударили по голове — глухо, с эхом. Он хотел, чтобы Сюй был мягче, внимательнее, чтобы чувствовал ответственность. Но не таким способом. Не через это.

Он вспыхнул. Всё внутри поднялось, закипело.

— Ты с ума сошёл, Сюй Сяочжэнь?! Ты убивал родителей? Своих? Или Шэня? Это ты мне руку отрубил?! И теперь хочешь уйти, будто так и должно быть?!

Сюй сжался, плечи опустились. Но Гу Янь уже не мог остановиться. Со стола полетел лоток, за ним — инструменты, коробки, что-то звякнуло, разбилось.

— Нет, чёрт возьми! Пока Я не скажу, что мы расстаёмся — ты никуда не уйдёшь. Ты же сам говорил, что любишь. А теперь — испугался? Что-то пошло не так — и ты сразу к выходу? Да ты, Сюй, реально веришь во всю эту карму, судьбу, «я — проклятие» и прочее бредовое самоуничижение.

Сюй сжался ещё сильнее, молчал. Тогда Гу Янь резко, почти с яростью, добавил:

— Ну?! Говори хоть что-нибудь! Или теперь я стал бесполезным, раз с рукой беда? Думаешь, лучше найти кого-то целого, без дефектов? Так вот — это я спас тебя! Я сделал выбор! И это моя рука, моя потеря. Не тебе решать, как мне с этим жить. Не тебе — и не сейчас.

Сюй Сяочжэнь стоял растерянный, почти потрясённый. Он не ожидал, что Гу Янь не просто не винит его, а, наоборот, защищает. И это возвращало всё, что казалось потерянным. Любовь, которую он пытался задушить под тяжестью вины, вдруг снова дала о себе знать — живая, настоящая.

— Мы расстаёмся или нет? — тихо, но твёрдо спросил Гу Янь. Он всё ещё был зол, но голос звучал уже по-другому.

Сюй судорожно покачал головой и, сжимая в пальцах подол рубашки, едва слышно прошептал:

— Если ты всё ещё хочешь, чтобы я был рядом... тогда — нет.

Он говорил почти по-детски, растерянно, будто просил разрешения остаться. Это прозвучало настолько искренне, что Гу Янь, впервые за вечер, едва заметно улыбнулся.

— Не говори больше о расставании. Я этого не выношу.

Он приподнял его подбородок. Глаза Сюя всё ещё в слезах, на щеках — дорожки, весь вид жалкий, плачет, как всегда — без звука.

Гу Янь провёл шершавым, покрытым мозолями пальцем по уголку его глаза. Сюй невольно зажмурился. Он всегда умел плакать так, что у Гу Яня начинало бурлить в крови.

Сюй уже несколько дней не был дома. А впереди — месяц разлуки. Гу Янь посмотрел на него, и в животе что-то ёкнуло. Он потянул его за талию ближе к себе.

— Спи сам. Я не буду с тобой валяться, — решил, что его зовут в кровать, и поспешно отказался.

Гу Янь действительно звал в кровать. Но не в том смысле.

Сюй вообще хороший, но вот этой — обычной для любовников — интуиции у него нет. Иногда просто как бревно.

Поэтому Гу Янь решил не намекать:

— Сяочжэнь, поцелуй меня.

Сюй оглянулся — в коридоре никого. Тогда быстро наклонился и осторожно коснулся его губ:

— Всё? Пора спать.

Но Гу Янь тут же притянул его голову и впился в губы. Поцелуй вышел медленным, глубоким.

Когда Сюй отстранился, его щёки пылали, губы вспухли и блестели. Он сразу опустил взгляд — вспомнил, что они в школьной больнице, и стало неловко.

Правая рука у Гу Яня была ранена, но левая в полном порядке. Он легко подхватил Сюя, и тот вдруг оказался у него на коленях, лёжа сверху.

Сюй почувствовал, как отреагировало тело Гу Яня, и попытался слезть, но тот обхватил его за талию и прижал крепче. Телесный жар стал почти обжигающим.

— Здесь же... больничная палата... нельзя, — лицо Сюя налилось краской. Он поймал на себе жгучий взгляд, и сердце застучало сильнее. Почему у него, у взрослого офицера, нет ни капли стыда?! Пусть он тут один пациент, но так всё равно нельзя!

— Не волнуйся, они всё равно ничего не услышат, — прошептал Гу Янь, уже проводя ладонью по его талии, расстёгивая ремень.

Сюй Сяочжэнь от его прикосновений почти не держался на ногах. Попытался найти отговорку:

— У тебя же рука... тебе нельзя.

Гу Янь поймал его в поцелуе:

— Я уезжаю на месяц. Ты ведь будешь скучать?

Сюй застеснялся, но кивнул:

— Буду...

— Тогда слушайся. Не зли меня. Сними сам, — его голос стал низким, мягким, с убаюкивающей хрипотцой.

Это было впервые в таком месте. Сюй горел от стыда, руки дрожали, но он всё же снял с себя одежду. После прошлого периода чувствительности у него осталась неуверенность, и, когда он увидел обнажённое тело Гу Яня, начал дрожать, но не смог отказаться.

Следы на его теле почти исчезли, остались лишь несколько глубоких отметин — синеватые отпечатки зубов. Гу Янь нагнулся, касаясь языком этих шрамов, переплетая пальцы с его, уговаривал быть смелее.

Он устроился у изголовья, позволяя Сюю с неуверенной неловкостью, шаг за шагом, самому сближаться. Глядя на него — стеснительного, испуганного, но искреннего — у него сжималось сердце.

— Молодец, — шептал он, проводя рукой по влажной от пота коже, целуя его шею, глядя в расфокусированные глаза.

Тот не сдавался, старался молча, стиснув зубы, не выдать ни звука. Вскоре у него не осталось сил — он рухнул в объятия Гу Яня, тяжело дыша.

С того, как он вёл процесс сам, всё оказалось даже приятнее, чем обычно. Настолько, что Сюй едва справлялся с нахлынувшим возбуждением. Гу Янь целовал его ухо, хвалил, спрашивал, хорошо ли ему. Тот только кивал, пылая от стыда.

Больше он не смог. Сказал, что с него хватит. Как бы Гу Янь ни уговаривал, он больше не захотел. Они быстро прибрались, сменили постель, он успокоил его парой поцелуев и сказал отдохнуть — завтра выезд.

Сам же, дрожа в ногах, пошёл в душ, а потом сел рядом с кроватью.

Окна были открыты, но воздух всё ещё хранил след запаха. У Сюя горели уши, он теребил пальцы и не смел встретиться с ним взглядом.

Посреди ночи Гу Янь проснулся в полудрёме. Увидел, как ночь тает в предрассветной дымке — ни луна ещё не села, ни солнце не взошло. За окном колыхался сероватый туман, всё будто растворилось в сне. Часы на стене показывали два часа ночи.

Раненая правая рука должна бы гореть огнём, но вместо этого — прохладное, почти уютное ощущение. Впервые с момента травмы боль исчезла.

Гу Янь моргнул и разглядел силуэт у кровати.

Сюй Сяочжэнь — бледный, почти прозрачный в этом сизом сумраке — словно растворялся в воздухе, как капля воды. Но именно он был единственным светом в этой туманной тишине.

Он сидел, склонившись, держал его руку, обёрнутую полотенцем со льдом, и аккуратно прикладывал холод к ране. Через полминуты убирал и дул на кожу — всё делал с предельной внимательностью.

Пятнадцати сантиметровый порез был для Гу Яня мелочью. А для Сюя — болью в сердце. Он, кажется, не смыкал глаз всю ночь.

Гу Янь моргнул ещё раз... и снова провалился в сон.

Тем временем, в другой части больничного крыла, Шэнь Ле, один из пациентов, услышал, что ночью медкорпус перекрывали. В их школе такое могли устроить только ради одного человека — Гу Яня.

Он зло подумал: вот бы случилось что-нибудь серьёзное... пусть даже смерть.

Сюй Сяочжэнь не вернулся за всю ночь. Шэнь ворочался, завидуя и мучаясь, не мог заснуть. Лишь ближе к шести утра, когда в палате послышались тихие шаги, он открыл глаза. Смотрел, как Сюй тихонько ставит еду на его тумбочку.

— Брат... — прошептал он.

Сюй обернулся. И тогда Шэнь заметил: под глазами у него синяки, лицо бледное — точно не спал ни минуты.

Пальцы, прохладные, с ароматом, коснулись его щеки:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, кажется, уже всё прошло. Брат, с твоим парнем что-то случилось? Он... он умирает?

— Не носи чепухи, — отрезал Сюй, разливая кашу по миске.

После долгих уговоров он всё же рассказал: Гу Янь получил ранение, спасая его.

Шэнь осмотрел брата — цел, невредим. Вдохнул с облегчением. Но в голове уже всё стало

ясно: всё, что он делал последние дни, всё пошло прахом.

Он хотел со злости швырнуть кашу об пол, но не мог. Осталось лишь натянуть фальшивую улыбку:

— Надо бы его поблагодарить.

— Ещё успеешь. Он вернётся не раньше следующего месяца, — ответил Сюй и попросил его отдохнуть.

Шэнь Ле покорно согласился, собрал вещи и выписался. Глядя, как Сюй Сяочжэнь разворачивается и уходит в сторону палаты Гу Яня, он прищурился.

Сюй успел съездить домой, собрать вещи для Гу Яня и привёз их в больницу. В палате уже было немало людей. Смущаясь, он тихонько сунул в его ладонь пару перчаток из меха чёрной лисы.

— Учения будут на Севере, там вечно снег, холодно. Я сам сшил...

Он обошёл все магазины в поисках тёплых, красивых перчаток, но весной ничего не нашёл. Купил ткань и сшил сам.

Гу Янь, которому понятие «стыд» было неведомо, лишь ухмыльнулся и — прямо при всех — поцеловал его:

— Вернусь — вытащу тебя развеяться.